

The book cover features a stylized illustration. On the right side, a woman's face is shown in profile, looking down. Her long, wavy brown hair flows across the top of the frame. A bright, glowing light source is positioned above her hair, creating a lens flare effect. The background is filled with intricate, swirling patterns in shades of teal, light blue, and purple. In the lower-left corner, a hand is depicted holding a dandelion stem. The overall style is artistic and evocative.

16+

Ольга Васильевна Ярмакова

Истории-семена

Ольга Ярмакова
Истории-семена

«Автор»

2020

Ярмакова О. В.

Истории-семена / О. В. Ярмакова — «Автор», 2020

Любая история подобна семечку, подхваченному устами рассказчика и обретающему благодать почвы в душе слушателя. Вполне возможно с этим согласились бы принцессы, оберегающие своих драконов, да рыцари, угодившие в силки ведьм. Скорее всего, утвердительно кивнуло бы в знак согласия и семейство призраков, а вслед за ними и страж Ада - цербер. А может, Вам интересно знать на сей счет мнение Оконного Кота или Злого Короля? А Вы спросите. Они и многие прочие ответят, поделятся с радостью.

© Ярмакова О. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Боги и венценосцы	5
Прозрение	5
Долгожданная встреча	6
Последний	8
Злой Король	9
Кража и жертва	11
О чём смолчали эдельвейсы	13
Поединок длиною в мир	21
Притча о свином народце	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Боги и венценосцы

Прозрение

За Редколесьем, по ту сторону Мраморной реки полыхала деревня. Отсюда, с мшистого холма, объятые пламенем дома казались светлячками в ночную пору, но иллюзию портили пушистые клочки сизого дыма над ними.

На холме стояла дева. Она, словно статуя, окаменела и выросла в жирный бурый мох, в изобилии стелившийся на взгорье. Лишь медные волосы её иной раз волновались от прикосновений шалого ветра. Бледное, без кровинки лицо взирало в иную сторону, напрочь игнорируя пожар за Мраморной рекой. И сердце её, будто повинясь велению разума, утишало стук, всё сильнее замедляясь.

Дева была не одна. Вокруг неё кругами расхаживал огромный дракон, бурый, как сам огонь, с глазами ярче изумрудов. Сложив крылья за спиной, змей в раздражении наворачивал один круг за другим вокруг замершей красавицы.

– Да очнись ты! Ты сама всё видела, – настаивал дракон. – Он же трус! Сама посуди, от поединка он отказался, за селян не заступился, и тебя, в конце концов, не выкрал.

Девица упрямо вглядывалась в тропинку, ниткой сползавшую с пригорка и петлявшую меж деревьев Редколесья. Пыль ещё не вся улеглась на землю.

– Ну, конечно, он же не абы кто, – с возмущением прорычал ящер и сплюнул порцию дыма. – Он же рыцарь! Да какой! Принц Предпоследнего Королевства. Ну и что. Подумаешь!

Из влажных глаз девы скатились две хрустальные слезинки по блестящим проторенным дорожкам на бледных щеках.

– А я? А я для всех вечно буду Аспидом, Змием да чудищем безобразным, – с горечью выпалил дракон и сел совсем близко от безмолвной девы. – А ведь и я когда-то был отчаянным сорвиголовой, искателем удачи. Рыскал по всему свету в поисках славы, и фортуна благоволила мне до поры. А потом всё, закончилось оно, моё благополучие. В один миг потерял я дом, имя и облик, навеки став безобразным чудищем.

Пыль на тропинке вновь обрела покой, на ней лишь через равные промежутки отчётливыми отпечатками проступали конные следы-полумесяцы.

– А ведь я был принцем, – вспомнилось вдруг дракону. – Да, да. И у меня была принцесса, которую нужно было спасти из лап гнусного дракона. Только тот был чёрный и вонял как стадо быков. Фу! До сих пор помню ту смрадную вонь из его пасти. И я, в отличие от твоего Принца, оказался полнейшим дураком. Этот, твой-то, не олух, дал стрекача, как только я с ним поздоровался. А я-то тогда не отвернул, сразился с тем змеем и победил его. Вот болван! Трижды болван! Она его любила! Да в придачу ещё и колдуньей оказалась. Последствия, как видишь, перед тобой. Так что, может, и к лучшему, что этот, твой принц сбежал. Ну его.

Из уст её вырвался тихий вздох. Сожаление или облегчение, дракон так и не понял.

Деревня уже почти догорела. За Мраморной рекой струился в небо чёрный дым.

– Всё, я всё ради тебя сделаю! – с жаром выдохнул он. – Осушу озёра, спалю города, проглочу войска. Я готов воевать со всем миром! Только не плачь по нему, он не стоит и блеска твоих слёз. Он не понял тебя, не принял, как я. Он, он ...

Принцесса дрогнула, краска жизни вновь наполнила нежным румянцем её прелестное личико. Она протянула руку и прикоснулась к покорно склонённой голове дракона.

– ... не ты, – прошептала в ответ дева и, наконец, улыбнулась. – И слава Драконьему Богу.

Долгожданная встреча

Третий месяц странствовал Рыцарь по дремучим лесам Сероземья.

Указ короля, но больше жажда награды гнали его всё дальше вглубь Чернолесья, не смотря на предостережения встречных селян. Ещё бы, за возвращение блудной принцессы король обещал даровать счастливицу мешок в полный рост, доверху набитый золотыми монетами, да отдать в придачу благородного скакуна и булатный меч, равного которому не было во всём королевстве.

«В Чернолесье ходить – себя сгубить, – так твердили упёртые селяне. – Мало ли что там водится. Одного лешего чего стоит повстречать на развилке. Всё, считай, пропал. А ежели колдунья, а вебрь-оборотень, а русалка? А ты, господин Рыцарь, на дракона идёшь. Да в чёрном лесу что угодно водится, на то его и кличут таковым».

Тёмные, замшелые в суеверии и стариковских сказках людишки. Он же Рыцарь! Рыцарь. Что ему зверье да нечисть, когда в королевском замке его ждёт слава и награда. А дракона он как-нибудь одолеет, не впервой на супостата идти.

Наконец, удача улыбнулась ему. За гиблыми топиями, на высоком холме попалась ему полянка, вокруг которой густо рос ивняк. На поляне мирно спало чудовище. Зелёная чешуя Дракона поблёскивала крохотными изумрудами. Из ноздрей зверя при выдохе вырывался струйками сизый дымок.

Вот он – тот самый шанс, ради которого он, доблестный из воинов, одолевал невзгоды три месяца. И он его не упустит, не будь он Рыцарь.

Но лишь нога смельчака ступила на травяной ковёр поляны, меж спящим Драконом и воином, словно из-под земли выросла девушка. Златокудрая и ясноглазая, облачённая в одежды воительницы, дева грозно взирала на Рыцаря и выставила в его сторону лук с натянутой стрелой, готовой пронзить чужака.

– Стой, Рыцарь! Ни шагу более! – сердито повелела Принцесса. – Уходи, если тебе дорога жизнь.

От её громкого окрика Дракон очнулся ото сна.

– Но, Принцесса, король отправил меня сюда, дабы спасти тебя из лап Дракона, – возразил Рыцарь и сделал незаметный, маленький шаг вперёд.

– Ага, и наобещал, небось, кучу всякого добра за моё псевдо спасение, – с брезгливостью отозвалась дева и смачно сплюнула себе под ноги. – Мой отец – ещё тот сквалыга и прохиндей. Да он в жизни никому ничего стоящего не сделал. Неужели и ты повёлся на его обещания? Мне жаль, но тебя сильно надурили, Рыцарь.

– Откуда мне знать, Принцесса, что слова твои правдивы и это не хитрая уловка, дабы избежать возвращения в замок отца? – спросил Рыцарь и проделал ещё пару осторожных шажочков. – Все в королевстве знают, что ты сбежала с этой чешуйчатой образиной, лишь бы не идти под венец.

Услышав, как его назвал Рыцарь, Дракон взревел, и из его громадной пасти вырвалось пламя.

– И что?! – с вызовом бросила Принцесса воину. – Если я дочь короля, у меня не может быть своих желаний? А ты видел того, кого прочили мне в супруги? Видел? Да он жалкий, чванливый скряга, похлестче моего отца будет.

– Какое мне дело до ваших, королевских дел, – бросил с пренебрежением Рыцарь. – Я наёмник. Моя доля – выполнить поручение. И всё. А твоё, Принцесса, быть разумной и послушной, как любая нормальная баба. Своеволие в женщине, что злой дух в ведьме.

Сказал и приблизился ещё на два шага.

– Вот, вот оно! – разъярилась дева, в глазах её запылал огонь, подобный пламени из недр драконьей пасти. – Вам бы, мужчинам, понукать нами, женщинами. Сиди, принеси, поди прочь. А он, – Принцесса оглянулась и нежно смотрела на Дракона, – он меня понимает. Потому я с ним в лесу, а не в замке на золочёном троне.

– Ну и дура! – вскрикнул Рыцарь, оказавшись совсем близко, и кинулся на неё, воспользовавшись тем, что Принцесса отвлеклась.

Но она оказалась быстрее. Стрела молнией слетела с тетивы и пробила грудь воина в том месте, где мгновением раньше билось чёткое сердце.

Дракон презрительно фыркнул.

– И кто теперь дурак? – с иронией произнесла она. – Что ж, поляну нужно очистить от грязи. Возлюбленный мой, отнеси господина Рыцаря к гиблым топям, да проследи, чтобы воды проглотили его целиком.

Дракон, словно послушный пёс, уткнулся шершавой мордой в ноги Принцессы. Она нежно гладила его бугристую голову и покрывала поцелуями.

– Никому не дам тебя в обиду, никому. Ты единственный мой, ненаглядный. Как надоели эти доброхоты и охотники за богатством! Когда же отец поймёт и смирится: не пойду я на поводу его воли и сердца своего не предаю. А тебя мы расколдуем, обязательно расколдуем, возлюбленный мой!

Дракон в ответ что-то радостно прорычал.

Последний

Поединок достиг своего наивысшего жара. Король, молодой упрямец, наступал на старого дракона, тесня его всё ближе к Белым камням.

Змеиная Долина – вотчина предков Дальбра, последнего дракона Староземья, пару столетий назад пала к ногам свирепого воина-завоевателя. Этот рыцарь объявил себя единственным хозяином Долины и, водрузив на лысеющую макушку корону из железа, тут же объявил войну всему змеиному народу, доселе населявшему мирную землю столько веков, что и летописи было не ведомо. А вслед за воинствующим королём, знамя ненависти к драконьему роду переняли его отпрыски, не менее лютые и алчные.

Длинный обоюдоострый меч в сильных королевских руках юрко сновал в воздухе, всё чаще нанося Дальбру внушительные и болезненные удары. Да, броня драконова была твёрда, как камень, но и меч был не прост. Старый алхимик-прохвост, сумел из драконьей крови, руды Железных гор и ещё какой-то мерзости, соединив всё это какими-то немислимыми чарами, создать меч, равного которому ещё не было в Староземье. Его клинок, сверкавший чёрным серебром, с лёгкостью рассекал дубовую кожу дракона, будто ножом масло. И снег уж вокруг поединщиков чалым стал, рыхлым, с бурями проплешинами.

И вот за спиной Белые камни, каменные колья, походившие на клыки легендарного предка Дальбра. Деваться некуда, дракон выпустил самый мощный залп огня, внутри стало так пусто, что стук сердца размножился гулким эхом внутри.

Но король остался невредим. Алхимик дал ему перед битвой снадобье, которым велел как следует натереть щит. Огонь отскакивал от заслона, не причиняя тому хоть какого урона.

Дальбр сделал последний вдох, но огонь в его теле потух. И тут король нанёс решающий удар, прямо в драконье сердце. Поверженный змей безмолвно пал наземь.

– Пало чудище! Настиг его мой верный меч – Разящий Наповал! Нет больше Дальбра, последнего дракона Староземья, – торжествовал король, неистово сотрясая меч. – Пришёл конец драконьему веку. И я – творец сего.

У ног победителя в серо-красном снегу лежала голова-громадина мёртвого дракона. Морда Дальбра была исполосована мечеными ранами, кровь ещё стекала струйками, глубоко пропитывала снежную корку.

Верный копьеносец стоял чуть поодаль. Седовласый старик, крепкий и прямой как юноша. Не было радости и торжества в его глазах, как у господина. Уж не ветер ли снежный вышиб слезу и размазал её по шершавой щеке?

– Конец, – еле слышно выговорил копьеносец. – Это конец.

– Что ты там мямлишь, дурак? – окрикнул слугу король. – Иди сюда, отруби голову этой твари и неси в замок. Все должны видеть мой трофей. Все должны знать, что я убил последнего дракона!

Над Белыми камнями взвилось воронье. А Змеиную Долину сотряс чудовищный раскат грома, хоть небо было чисто.

Копьеносец послушно приблизился к мёртвому дракону. Но прежде, чем взять в руки топор, он благоговейно преклонил колени и тихо, чтоб не слышал повелитель, промолвил:

– Прости нас, Дальбр. Прости нас, последний бог Староземья.

Злой Король

Ровно в полдень с вершины поросшего хмелем высокого холма обозревал свои владения Злой Король. Каждый день по заведённому давным-давно обычаю взбирался он на отдалённую кручу, один, чтобы на короткий час предаться нелёгким раздумьям.

Внизу небесной лентой змеилась кормящая его земли река. Леса его гордились вековыми дубами и столетними соснами, коим счёту не было. Нивы зеленели юной пшеницей, которая по осени порадует его край как всегда богатым урожаем. Луга пестрели разноцветьем, а значит, и медовый сбор будет щедрым. Куда ни кинь взор, всюду мир, покой и лад.

Но тяжело было на душе у Злого Короля. Каждый день восходил он на холм, каждый день душа его принимала нелёгкое решение, вобрав взором необъятные и мирные просторы любимой сердцем земли.

У Короля было иное имя, светлое и чистое: при рождении отец нарёк его Благомиром. Благой мир, что может быть невиннее и ближе народу? Но едва отринув отрочество и вступив в незрелую юность, Король повёл себя не так, как того ожидали его поданные, вопреки доброму посылу своего имени. За год он так часто слышал «Злой», что свыкся с новым именем и принял его равно, как и путь, который избрал для себя и своего королевства.

Вероятно, это началось тогда, когда Злой Король позволил драконам свободно парить в поднебесье. Крылатые твари отбили у завистливых соседей всякую охоту на попытки войн, а если у кого возникало желание сразиться с небесным ящером, тут поблажек не существовало – любого ожидала казнь. Народ, конечно, не обрадовался подобным льготам драконьему роду: змеи тут же воспользовавшись данными свободами, принялись таскать скотину себе в пропитание. Но по чести – не много и не каждый день. Ровно столько, чтобы месяц не знать голода. Злой Король посчитал это честной платой.

Он нахмурился. Нет, не с драконов залегла пропасть меж ним и теми, кто жил там, внизу, на бескрайних далях его королевства. Ну да, конечно! С реки, его гордости, его жемчужины всё пошло. По приказу Злого Короля в реку был открыт доступ русалочьему народу, от которого прежде люто стерегли быстрые воды. Река с чужих краёв занесла в своё русло и распространила до горизонта жёлтую муть, которая отравила всю рыбу. Король всем сердцем любил реку и страдал, взирая, как прозрачно-синие воды окрасились грязью, в которой не было места милым душе белоснежным кувшинкам. Русалки в три дня исправили непоправимое. Река, как и прежде, несла свои широкие воды, сверкая на солнце чистотой, рыба вернулась в её недра. Но его народ негодовал: достойно ли потомка благочестивых монархов отдавать во владение целую реку не кому-нибудь, а самой что ни на есть нежити? Ведь русалочий народец славился издревле своим шалым нравом и не упускал случая затащить незадачливого ротозея под воду себе на потеху.

И снова, призадумавшись глубоко, он отринул эту веху своего недолгого правления. Ещё раньше, в самом начале его царствования. Именно тогда призвал Злой Король в свои леса тёмных и светлых духов, дабы стали те добрыми хозяевами и покровителями всех лесных тварей, дабы взяли под защиту каждое дерево. Сильно поредели его уголья, и тому виною служил старый королевский указ, дошедший до Короля из ветхих глубин столетий. Какой-то далёкий предок в угоду своим подданным давал добро на вольную охоту любой дичи и сруб каждого приглянувшегося дерева. Повелел и отдал концы. Потомки свято блюли заветанный наказ, но лишь у Злого Короля дрогнуло сердце, когда однажды взойдя на тот самый холм, он не узрел оскудение и бедность некогда обширных лесов. Нарушить указ предка он не смел, но пошёл на хитрость: пригласил сонм духов и отдал им леса в полное владение с тем условием, что те не тронут никого из его подданных в лесных недрах, если нужда их вынудит поднять топор на

древесных великанов или стрелы отнимут жизнь какой-либо твари. Если же кто расшалится и в угоду своему тщеславию или алчности пойдёт на преступление, та жизнь более не будет принадлежать ему, став невольницей лесных стражей. Да, вероятно с того и разошлось новое имя государя по деревням его обширных земель.

Прошёл год и как сильно изменился вид высоко под ногами злосчастного правителя. Богатые дичью и деревом леса дышали свободой, свободолюбивая река уносила в белёсые дали свои чистейшие воды, небо наполнилось жемчужными перьями облаков, полными мира и покоя. А народ всё ж был недоволен правителем, жестоким, бездушным тираном.

Так когда же произошёл поворот? Когда он понял, что не стоит идти проторенной дорогой предков, подчистую разоривших войнами и глупостью одно из самых прекрасных королевств в мире?

И тут он вспомнил.

Мальчишкой не старше пяти лет от роду Король обожал слушать сказки няни-кормилицы. Ту давно хотели сослать обратно в деревню, но мальчик так сильно был привязан к доброй и мудрой, хоть и неблагородного происхождения женщине, что впадал в горькие слёзы, когда их разлучали дольше, чем на час.

В сказках, которые кормилица тайно рассказывала ему, когда никого поблизости не было, жили прекрасные русалки, царили высокомерные, но благодушные духи и рассекали небеса громадными крылами премудрые драконы. Сказки пропитали его душу насквозь, обронили семена и те проросли.

Однажды тот день всё же настал, и юному принцу объявили, что отныне его жизнь продолжится без неграмотной и глупой няньки. В последний раз они обнялись, и она прошептала своему любимому воспитаннику тихо, чтобы слышать мог только он:

– Каждый день взбирайся один на самый высокий холм и не сходи с него час. Взирайте на своё королевство, чувствуй его душу, открой ему своё сердце. Отныне ты для земли, а она для тебя. И пусть мы больше не встретимся, но молоко, которым ты вскормлен, не даст тебе чувствовать себя слабым и одиноким, сын мой. Будь достойным королём.

На том она покинула принца и вернулась в деревню.

Конечно, именно в тот день, с лицом, полыхавшим огненной яростью, с глазами полными жгучих слёз впервые взойшёл будущий король на холм и впервые обозрел свои бескрайние земли. Тогда и только тогда зародилось новое имя, которое только ждало случая и смелые уста, что дали бы ему жизнь.

Вскоре старый король почил и юный занял его место по праву. Следуя наказу любимой кормилицы, юноша каждый день осматривал владения с высоченного холма в одиночестве, прислушиваясь к сердцу. И каждый раз нечто с нежностью поднималось с глубин его души, напевая и подсказывая по памяти чудесные имена из давно забытых сказок. Было ли то волшебное молоко, коим был вскормлен Король или поросль семян дала благодатный урожай, но Злой Король и вправду не ощущал тягости одиночества и давления бремени стальной короны, в которой выстаивал цельный час на ветру холма.

Возможно, когда-нибудь всё переменится. Пусть даже его и после смерти будут величать Злым. Пусть. Но каждый день он будет восходить на холм и чувствовать жизнь, как она есть, и постарается своего будущего потомка приучить к любви. А пока...

Злой Король с неохотой, медленно пошёл к спуску по приметной ему одному тропке. Пришла пора поразмыслить о лугах, ему как раз припомнилась одна красивая сказка.

– Легко быть добрым, а вот злым куда труднее.

Кажется, так говаривала ему когда-то нянька.

Кража и жертва

Самой долгой и беззвёздной ночью похитил Камень-Принц дочь Огненной Матери. Пламень-Дева – тонкий лоскут огня – дремала в колыбели жаркой обители, когда каменные персты схватили и вырвали её из родного очага.

Бесстрашен и неумолим, прекрасен и вечен был Камень-Принц, но холоден и бесстрастен. Ледяным взором удостоил он напуганную Деву, чьё крохотное огненное сердечко трепыхалось в груди, вот-вот того и гляди – погаснет.

Из жгучих глубин подземных в холодную пещеру белой горы вынес похититель свою добычу, заперев в мрачных безмолвных покоях.

– Что нужно тебе? Зачем отнял меня у матери? – плакала Пламень-Дева, и слёзы золотистыми искорками опадали на сухой камень, тут же меркнув. – Я самая младшая из сестёр, коим счёту нет, самая ничтожная. Зачем я тебе?

Не отвечал Принц, не знал и сам он, зачем столько ночей тайком спускался в глубь земную, украдкой подглядывал за огненными плясками дочерей Матери, отчего избрал из дев ту, что отныне томиться суждено в темнице его. Только одно он знал наверняка: ярость огня манила его больше всего на свете.

Каждый день покидал Камень-Принц пещеру белой горы, а вечером, возвратившись, направлялся напрямик в каменную залу, что служила покоями юной пленницы. До самого утра он сидел в углу в гранитном кресле, не смея приблизиться к Пламень-Деве, лишь краткие беседы, ведя с нею. Очи его обсидиановые задумчиво, с интересом взирали на яркие отсветы, исходившие от дочери Огненной Матери. Вскоре и Пламень привыкла к суровому облику хозяина и покорила его воле, приятен ей стал и взгляд его очей, во тьме которых танцевали крохотные искорки – они напоминали ей о недавних плясках с сёстрами.

Прознала Огненная Мать о воровстве и вознегодовала: даже самого малого лоскута её пламени никто не смел трогать! Мать вознамерилась немедленно вернуть своё дитя. Но подняться на поверхность, она не смела, убоилась испепелить земную твердь, тогда она воззвала к Лихому Ветру и повелела разрушить белую гору, в которой держал в неволе её младшую дочь Камень-Принц. Отозвался Ветер и с охотою пошёл на скалистую глыбу.

Налетел волчком-ураганом, ударил залихватским вихрем по горе Лихой Ветер и провалился внутрь пещеры. Не испугался неприятеля Принц, но слаба и тщедушна была его пленница – любой порыв ветра и она потухнет. Встал на пути неистовой бури Камень, прижал к себе прелестную Пламень, заслонил своим могучим телом, и не причинил Ветер им обоим никакого вреда. Покружил, поревел и убрался восвояси. С изумлением взирала Дева на своего спасителя: не было в ней больше слабости, крепость переняла она от защитника. Но холодны по-прежнему оставались обсидиановые очи, лишь агатовой слюдою покрылся лик Принца.

В ярость пришла Огненная Мать, не удалось ей наказать обидчика. Тогда взмолилась она к Тверди-Земле, обрушить белую гору, но та отказала Огню – подобно Матери, любила она Камень, одного из сыновей. Не желала Твердь гибели Принца.

Вовсе обезумела в жажде мести Мать, призвала она Безмерную Воду и упросила ту залить водами белую гору. С алчным удовольствием согласилась Вода, давненько ей желалось поквитаться с Твердью, издревле мечталось ей полноправно владеть миром, целиком погрузив его в свои безграничные воды.

Нагнала воды Безмерная, заполонила ими сушу, подобралась к белой горе и проникла в тёмную пещеру. Не мог на сей раз Камень-Принц заслонить собою Пламень, отчаяние овладело им, и тогда молвил:

– Не сумею я охранить тебя на этот раз. Могу лишь отдать своё тело тебе, чтобы укрылась ты в нём от смертельных вод. Прими мой дар и живи.

– Но как же ты сам? – испуганно прошептала Дева. – Разве не погибнешь, когда моё пламя проберётся внутрь тебя?

– Никому неизвестно, что станется, – отвечал Камень, – прошу, не медли, спасайся. Иначе и мне жизнь не мила без тебя.

Обхватила его тогда Пламень-Дева крепко-крепко. Ощутил Принц, как жар проникает в каждую частичку его твёрдого тела, впервые живое тепло растеклось по его безжизненным венам.

– Ты желала знать, зачем я выкрал тебя? – слетели последние слова из каменных уст. – Из-за этого! В тебе та жизнь, которой у меня никогда не было.

Очи его посветлели и озарились солнечным светом, вопль вырвался из груди, и забилося сердце. Пламень никогда ещё не чувствовала подобного идеального единства, даже безудержные пляски с сёстрами не шли в сравнение, то были бледные отголоски былой радости. Покой и гармония в сердце Принца мешались со страстью и нежностью. Ничто во всём мире более не способно было одолеть хрупкий лоскут пламени, навредить ему, загасить его – каменные рёбра, за которыми укрылась Дева, стали новым нетленным очагом. Жар Пламени бежал по каменным венам Камень-Принца, светоч пылал в его очах.

Не смогла вода погубить похитителя дочери Огненной Матери, не способна оказалась. Встала на её пути в последний момент Твердь-Земля и намертво затворила вход в зал. Пришлось отступить и Безмерной Воде. Отныне никто и ничто не могло поддержать желание Матери отомстить Принцу.

Отворила зал Твердь, когда просохли её земли.

И вышел Пламень-Принц на свет, навсегда покинув белую гору, неся в себе огненный жар, каменную крепость и волю, которую не смог никто одолеть. И прежде обсидиановые очи его, отныне подобные ярчайшим звёздам, взирали на всё иначе, потому как всё было интересно первородной душе.

О чём смолчали эдельвейсы

В старинном зале, на полу
В объятьях мёртвых алых роз
Сестра с улыбкой шла ко дну,
Брат в горе, словно в камень врос.

Им знать бы с самого конца
Про зал и розы в королевстве,
Тогда б настойчивей в горах
Они спросили с эдельвейсов.

И розы чахли на полу,
И камень стыл в ногах у эльфов...

Будто сто лет кануло, а и того больше с той долгой ночи, с горького, нет, ядовитого осознания утраты. Эррол невидящим взглядом смотрел на сестру, не в силах расцепить рук, продолжая нежно поддерживать ту, что всё глубже погружалась в вечный сон. Только так Эйли могла уйти от боли, груз которой раздавил её хрупкое сердце. Лучше бы он умер! Найти сестру через столько лет, чтобы тут же утратить...

Наверное, проклятия никогда не слабеют и не растворяются в вязком теле времени, ведь слова вечны, а значит, бессмертны.

О том, что Эррол бессмертен, он узнал от приёмной матери в свой семнадцатый год жизни. В тот злополучный день, уйдя на охоту с братьями и отцом, юноша должен был умереть. Во всяком случае, если бы был простым смертным, как его родные. Олень, которого преследовали и ранили охотники, обезумел, и так вышло, зверь в кровавом забытьи ринулся на первого попавшегося человека. Им оказался юный Эррол. Всё произошло слишком быстро: животное бесстрашно ринулось вперёд и, низко опустив голову с могучими ветвистыми рогами, ловко подцепило обидчика, насадив его грудь на остриё, словно пушинку, а затем отшвырнуло прочь. Когда родные подросли, было поздно: Эррол истекал кровью. Раны были столь чудовищны, исцелить их не сумел бы даже самый искусный лекарь. Юношу принесли в дом, уложив последний раз в постель, – там его оставили в угоду смерти. Большого сделать было невозможно.

Но подступил вечер, близилась ночь, а жизнь, что алым румянцем теплилась на бледных щеках Эррола, не торопилась покидать его юного тела. К утру раны затянулись, и сын открыл глаза. Тогда-то мать и открыла тайну истинной сути Эррола.

– Шестнадцать лет назад постучалась в наш дом дева. Я сразу поняла, что она не из людского рода, одежды её покрывали эльфийские руны, да и лик эльфа слишком вычурен, слишком прекрасен, что ли. Эльфы вроде ангелов, прекрасны, но холодны. Та эльфийка оставила нам своего сына, годовалого тебя, Эррол. Умоляла нас твоя мать позаботиться о тебе, своём сыне, любить просила, как родного, но в свой срок всё тебе открыть и отпустить, если сам того пожелаешь. Вижу срок этот пришёл.

Смятение, страх и боль овладели приёмным сыном. Узнать, что ты не родной одно дело, но что не человек, да к тому же наделённый бессмертием, это повергало в ужас. И как он давно не догадался сам? Он ведь с младенчества выделялся. Эррол – высокий, темноволосый, стройный, с кожей лунного цвета. Братья пошли в отца, коренастые, широкоплечие и рыжевласые, а

мать и вовсе низкая, хрупкая, с волосами цвета мёда. Как же жалок стал в собственных глазах себе Эррол. Кукушонок. Подкидыш. Ребёнок, от которого отказалась родная мать.

– Не так всё, сын, – ласково заверила его приёмная мать. – В отчаянии оставила тебя та, которую ты ругаешь напрасно. Столько любви было в её глазах! К тому же не один ты был у неё. В корзине она держала младенца, дочь, сестру твою.

– Её оставила, а меня бросила, – в горечи прошептал Эррол. – Но у меня есть сестра. Она где-то там. Знает ли она обо мне? А если знает, тоскует?

– Что ты задумал, сын мой? – встревожилась мать, заметив, как быстро высохли тёмные глаза сына, и странный блеск осветил их.

Не ответил Эррол, смолчал. Но поздней ночью, когда все спокойно спали, – открывшийся столь внезапно дар бессмертия нисколько не испугал отца и братьев, те посчитали то благословением свыше, – юноша-эльф навсегда покинул отчий дом, прихватив с собою только отцовский охотничий нож. Горько и одновременно легко ему было уходить. Всем сердцем любил он тех, кого считал родными по крови, но и сестру ему нужно было отыскать – сердце ныло с того момента, как узнал он о ней.

Семь долгих солнечных дней и шесть коротких лунных ночей блуждал Эррол по зелёным долинам родного края. Вот и горные хребты граничным полукружьем встали на пути юного эльфа, суля ледяной ветер, зыбкий снег и одинокую смерть безумному смельчаку при восхождении. Но тёмный блеск не оставил очей юноши, как и разросшееся желание в груди, граничившее с одержимостью. Кутаясь в накидку, подбитую мехом, Эррол двинулся вперёд.

Солнце перекаатилось за середину неба, до вечера уже кажись рукой подать, а под ногами травы уже редели, всё больше уступая место серым с острыми краями камням. Скалистые зубрины гор придвигались ближе, особенно близка стала гора Тэрлэг, мрачная и единственная из сестёр горного края, что не имела серебристой накидки из снега. К ней и устремил ход Эррол.

Деревья, вскоре измельчав, исчезли вовсе; редкие низкие кустарники, да цветущие вьюны – вот и вся роскошь сероватой каменистой почвы. Что-то блеснуло серебром впереди. Озеро. Промозглый ветер донёс слабый запах цветов, тонкий, едва уловимый и смутно памятный, как из прошлой жизни. Эррол так устал, что решил устроить небольшой привал у воды, прежде чем осмелится на подъём суровой Тэрлэг.

Ещё издали юноша приметил одинокую светлую фигуру, сидевшую у самой озёрной кромки. Приблизившись, он разглядел: юная девушка в золотистой накидке пристально всматривалась в водную поверхность. Отчего-то Эрролл сильно смутился – он-то старательно избегал встреч с людьми, одиночеством наказывая себя за молчаливый побег из дома. Но то чувство тревоги и волнения, что он испытал, узрев незнакомку, было ему внове: словно он знал её давным-давно, но забыл по какой-то причине.

Девушка не испугалась и не выказала того смущения, что довлели над Эрролом. Она подняла голову и, откинув капюшон, устремила к путнику лицо. Эльф вздрогнул. Подобной красоты ему не доводилось видеть: фарфоровая кожа, идеальный изгиб светлых бровей, кармин нежной линии губ и глаза, чистота которых могла тягаться с небесной синью. Лик красавицы обрамляли густые, снежного оттенка волосы.

– Ты ли брат мой? – первой заговорила она, и голос мягкий, но сильный рябью прошёлся по озёрной глади. – Воды Иэгэн, здешнего озера, обещали мне скорую встречу с братом моим, утраченным много лет назад.

Озадаченно смотрел на сидевшую рядом деву Эррол, не знал, что и сказать, будто онемел. Да и она, словно чего-то ждала, взирала на него снизу вверх, пытливо рассматривала.

– Не знаю, какого брата ты ищешь, но я сестру давно потерянную ищу, – наконец еле слышным, хриплым голосом произнёс юноша. – Семь дней назад узнал я от матери, что был оставлен в её доме ребёнком одной эльфийкой. Та была моей матерью по крови. И тогда же

мне открылась тайна о моей сестре, с которой моя горе-мать покинула тот дом. На её поиски я и отправился.

Вспыхнули радостью синие очи девы, тотчас же она вскочила на ноги и хотела заключить в объятия Эррола, но тот отшатнулся.

– Мы не похожи, ни капли: я как самая тёмная ночь, ты же словно летний день. С чего ты уверовала, что я – тот самый?

Холодные слова не обидели светлолицую деву, напротив, добрейшей улыбкой одарила она хмурившегося Эррола.

– Наша мать, – встретив хмурый взгляд, она тут же поправилась, – моя мать, происходила из древнего эльфийского народа страны Иннис, что пролегла прежде за этими горами. Недаром мир людей отделён издревле от мира эльфов Тэрлэг и другими каменными стражами. Одолеть проход среди них под силу только эльфу.

В тёмных, как камень гор, очах юноши промелькнули искорки.

– Шестнадцать лет назад горе наполнило земли Иннис, – продолжала кротким голосом вещать рассказчица, – и королева Эилидх с детьми покинула замок Дугальд, дом наследных отпрысков, дабы уберечь сына и дочь от страшного рока.

Солнце уже окуналось за горизонт и тени ползли по земле, разрастаясь и поглощая друг в друга. На лице Эррола, вокруг глаз залегли две такие тени, скрыв взгляд, но искорки разгорались сильнее.

– Иннис покинули все эльфы. Лишь король Оенгус, супруг Эилидх, остался, закрывшись в стенах королевского дворца. Свято верил он, будто сумеет сдержать злосчастный рок, покуда все его подданные не уйдут с осквернённой земли. Так он там и остался.

Тени срослись на бледном лице юноши, скрыв серой вуалью полностью его лик. Волосы в свете отживавшего заката почернели до раскалённых угольев. Девушка же напротив, казалось, стала ещё ярче. Белизна её кожи полыхала в сгущавшихся сумерках, а в медных всполохах неба, локоны вспыхнули латунным огнём. Лишь глаза её потемнели подобно гаснущей выси.

– Как я говорила, горный хребет перейти под силу лишь эльфу, потому как чары лежат на тех камнях. Большую часть своих сил королева отдала на переход, неся в корзине сына и дочь. Когда же сил почти не осталось, пред взором её предстал дом охотника. Тогда-то она и решила схоронить на время своё дитя, чтобы позже вернуться за ним. Сразу двух оставить ей было невыносимо, да и хозяева могли не согласиться. Сына-то взяли после горькой мольбы...

– Ну конечно, сына, – раздался трескучий, полный боли голос Эррола. Лица из-за подступившей темени было не разглядеть, но в том месте, где были глаза, мерцали золотистые огоньки. – От сына легче отказаться, чем от дочери.

– Нет. Вовсе не легче, – возразил в темноте подобный призраку, белёсый силуэт. – Эилидх с дочерью нашли приют в другом доме другой земли, где их приняли как ровню, и позволили жить, сколь душе угодно. Не проходило и дня, чтобы королева не оплакивала разлуку с любимым сыном, и не раз порывалась вернуться за ним.

– И что же её останавливало? – с желчью бросил в темноту перед собой Эррол.

Кажется, от той обиды озёрная вода вновь зарыбила. Послышалось. Видно не было, тьма казалось, поглотила и небо, не пустив туда по обыкновению звёзды и луну.

– Через год она всё же решила пойти за сыном, но... – В голосе девушки ожила дрожь, грусть окутывала речь всё гуще. – Эилидх – эльфийка, которая прежде не ведала болезней, ослабла настолько, что не могла больше противостоять людской слабости. Она тяжело и надолго захворала, магия оставила её и, чувствуя приближение конца, мать призвала дочь, совсем ещё крохотную. Ей она и открыла всю правду о себе, наказав отыскать брата, когда будет дано знамение судьбы. Она назвала имя брата и место, где судьба сведёт их.

– И каково же имя твоего брата?

Глаза эльфа прожигали темень золотом, голос звенел напряжением.

– Эррол. Вот имя моего утраченного брата, – спокойно выговорил голос. – Так ты ли мой брат?

Воздух вдруг показался густым и вязким Эрролу, земля мягкой и зыбкой, словно глина на дне реки. Он едва не упал, но крепкие девичьи руки подхватили и удержали его. Юноша не заметил, как прижался и обнял сестру, бережно, осторожно, точно хрупкий цвет. От неё и запах исходил как от дивного, прекрасного цветка – белой розы.

– Я твой брат, – шептал он, точно в бреду, счастливый и ошеломлённый. – Но как зовут тебя, сестра? Как же ты узнала меня, а я тебя – нет?

Тепло её тела успокаивало, также бывало прежде, когда приёмная мать убаюкивала его, с нежностью прижимая к себе.

– Эйли, такое имя дал мне отец наш. – Её шепот раздавался где-то у шеи. Ростом сестра была куда ниже Эррола. – Мне не нужно было тебя узнавать, ты снился мне с тех пор, как наша мать покинула этот мир. Воды озёр, благосклонные к нашему роду, являли мне твой образ всякий раз, когда тоска сковывала моё сердце. А встретились мы с тобою здесь потому, что так знала наша мать и потому, что судьба дала знамение: нам открылся секрет нашего бессмертия. Ведь так?

Юноша, поражённый до глубины души лишь тяжело выдохнул и, молча, кивнул, но Эйли и видеть не нужно было, она поняла.

– Что же за зло спровадило нашу мать с родных земель, из-за которого наш отец стал заложником, а мы рассеялись по чужому краю? – простонал Эррол.

Он не желал расцеплять рук, выпускать сестру хоть на миг, боясь, что ночь её поглотит как мираж, как дурманящее видение.

– Об этом могут поведать цветы на вершине Тэрлэг, – отозвалась Эйли, она по-прежнему жалась к брату и трепетала всем телом. – Прошло много лет, мы должны узнать истину и вернуться в Дугальд, возможно, отец до сих пор в его стенах томится.

– Что ж, я готов идти, хоть сейчас, – пылко отозвался брат.

– Дождёмся, когда облака рассеются, – предложила сестра, – без лунного света нам не отыскать тропы к горному верховью.

Нехотя они отпустили друг друга и присели у кромки озерца. Вскоре озёрные воды засветлели и заблестели в лунном сиянии. Ночной небосвод очищался, выпроваживая засидевшуюся облачность, открывая, словно чернильные бутоны, лепестки со звёздными узорами. Луна предстала полностью, выкрасив камни под ногами серебром. Накидка Эйли в лунном свете засияла золотом, на поверхности ткани серебряными росчерками вспыхнули древние руны.

Брат и сестра поднялись на ноги и отправились к Тэрлэг. Видимая лишь им, впереди простиралась отливавшая серебром дорожка. Угрюмая гора одарила путников тяжким подъёмом, полным каменных преград. Когда сил, казалось, уже нет, Эйли брала за руку брата и чудесная накидка её вспыхивала ярче, а тайные серебряные знаки на ней ободряли и прогоняли усталость. Эррол и не заметил, как к концу ночи они с сестрой добрались до вершины.

К той поре луна убралась далеко, уступив место дневному светочу. Солнце с сонной лентой только подбиралось к горизонту, окропив серевшие небеса алыми сполохами. На небольшом кусочке – пике Тэрлэг, – в нетерпеливом ожидании замерли эльфы, взывая к солнечному свету, что вместе с тьмой изгоняет и стужу.

Когда солнечное сияние коснулось вершины горы, меж серых камней подняли головы цветы. Серебристо-белые они были подобны звёздам. От них исходил лёгкий аромат, в котором юноша признал цветочный запах у озерца.

– Это эдельвейсы, – дрожащим голосом поведала брату Эйли. – Цветы стойкости. Они не знают лжи, потому у них можно спрашивать о чём угодно – не солгут.

Эррол согласно кивнул, уступая ту честь сестре. Эльфийка воззвала к горным цветам на древнем наречии, призывая магию. В нежных лучах восходящего солнца волосы Эйли окрасились золотом, а накидка воссияла подобно огненному пламени. Ветер ослаб и пал к ногам девушки, воздух потеплел и заискрился, цветочные звёздочки закачались, издавая слабый шелест, который Эррол, к удивлению своему, разобрал как прерывистую речь.

– Благодарю вас, дети Тэрлэг, – вещала девушка, воздев в стороны руки, – благодарю, что откликнулись мне и моему брату.

– ...те-бе... ра-ды... е-му... ра-ды, – шуршал воздух в ответ. Серебристая россыпь соцветий в унисон покачивалась из стороны в сторону.

– Ответьте, дети Тэрлэг, ушёл ли злой рок с благословенных земель Инниса? – вопрошала Эйли. – Возможно ль мне и брату переступить незримую границу? Пришёл ли срок узреть каменные стены Дугальда?

Эрролу причудилось, будто цветы робко замерли, совсем чуть-чуть, но затем продолжили раскачиваться, отвечая легчайшим шелестом.

– ...путь...открыт...был...все-гда...а...рок...не...судь-ба...иное...

Темновласый эльф нахмурился: не такой ответ он рассчитывал услышать. Поймав его озадаченный взгляд, сестра промолвила:

– Эдельвейсы хранят память, а потому не лгут, но сказать напрямую, как есть, выше их. Всё же они цветы.

Но этим удовольствоваться юноша не желал, обратился он к звёздчатым жителям высокогорья:

– Что за зло изгнало мой народ из Инниса? От деяний какой силы искала спасения наша мать, взбираясь на каменные уступы Тэрлэг?

Но цветы не дали ответа на сей раз. Они покачивали своими серебристыми головами в полнейшем безветрии и упрямо хранили молчание. Эйли, видя, как помрачнел брат, поспешила успокоить его мысли.

– Раз они молчат, значит, ответа нет на твой вопрос, – мягко проговорила она, но всё же голос её дрогнул неуверенностью. – Они сказали, что путь открыт, значит, беда нам не грозит, и мы можем вернуться в родной край, брат мой.

Хотел было возразить ей эльф, – подвох чувствовался ему в недосказанности эдельвейсов, – но встретив взор её чистых, спокойных глаз, поддался желанию – он не меньше Эйли жаждал увидеть Иннис и все его пределы. Эррол согласно кивнул и, бросив на горные цветы последний тяжёлый взгляд, последовал за сестрой.

Спуск показался обоим намного легче и быстрее, чем подъём. По другую сторону всё казалось родным и знакомым, хоть Эррол и Эйли впервые ступали по эльфийской земле. К полудню Тэрлэг уже была за спинами эльфов. С каждым шагом силы их удваивались, утраивались, ноги легчали, а ход походил на легкокрылый полёт.

Но радость пьянящую скоро затмило изумление, а затем и скорбь: пала чудная завеса, иссяк мираж, скрывавший страшную истину. Нет лесов рослых, нет лугов бархатистых, нет ручьёв звонкоречных – пустой, серой землёй встретил Иннис блудных детей своих. От каждого камня, от песчинки любой Эйли ощущала проникавшую в душу боль. От матери достался девушке редчайший дар – чувствовать жизнь и боль всего, чего коснётся. С каждым шагом очи эльфийки наполнялись горькими слезами, изливая из души ту боль, что впитывало тело. Эррол непонимающе взирал по сторонам, безжизненная пустошь повергала его в ужас. Хоть не способен он был подобно сестре, внимать боли, утрата, которую некогда понёс Иннис, зримо довлела и над ним.

Далеко впереди, посреди мёртвого камня и чёрного песка, словно вечный мавзолей, высился каменный замок Дугальд. Скорбные серебристые очертания его тускло мерцали в

свете солнца, единственного тепла, что ещё присутствовало в утраченном мире. Не раздумывая ни мгновения, эльфы устремились к отчему дому.

Вблизи Дугальд казался не таким высоким и гроздким, каким привиделся издалека. Его изящные башенки венчали серебряные купольные крыши, в стрельчатых окнах на свету горели целёхонькие витражные стёкла. Камень крепких стен тускло выдавал холодную серость, а ворота на входе казались непрошибаемыми, несмотря на прошедшие годы. Ни единой души, ни единого звука, ничего. Отыскав проход в воротах, Эйли и Эррол вошли во внутренний двор, там царили те же тишь и безлюдье.

– Пройдём внутрь, может, отыщем отца. – Эйли взяла руку брата и потянула в сторону высоких двустворчатых дверей, оббитых серебром, с золотыми рунами, – главного входа в замок.

Дверь с лёгкостью поддалась, отворившись беззвучно и мягко. Мрак и холод сочились из нутра Дугальда, запах запустения встретил гостей. Сотворив огонь и запалив факел у входа, Эррол взял в руки трепещущий светоч и первым ступил в безликие недра замка, в руке он сжимал охотничий нож. Бледная Эйли, едва дыша, последовала за ним.

Убранство некогда процветавшего дома давно пришло в негодность. Красочные прежде ковры и гобелены поела моль, а пыль замазала затейливые узоры толстым слоем. Пол, мощный мраморным орнаментом, растрескался, словно волна ярости прошлась по гладкому камню. По высоким стенам вилась, словно дикий плющ, рваная нить паутины. Своды потолка тонули в непроницаемом для факельного огня мраке. Мебель с золочёным тиснением скрывалась под серым налётом паутины и пыли. Чёрная плесень щедрыми мазками зияла повсюду, обещая ещё через десяток лет погresti под собою всё, до чего не добралась.

Обойдя все залы и покои, брат и сестра добрались до последней залы, небольшой опочивальни, с низким потолком и огромным в полстены витражным окном. Две пустые люльки стояли посреди залы, а меж них большой щербатый камень. Солнечный свет слабо пробивался в помутневший витраж и тусклым лучом ниспадал на валун.

Дрогнуло сердце у Эррола, то спальенка была его и Эйли, то место, где они встретили первый год своей жизни. Но что за странный камень уродливо портил детскую спальню? Эйли прерывисто вздыхая, с трепетом приблизилась к каменному истукану и, взглядевшись в его очертания, вскрикнула. Ноги подкосились, и она упала на колени, в пыль, перед камнем. Эррол тут же поспешил к сестре, но посмотрев туда же, куда неотрывно с полными боли и ужаса очами глядывалась девушка, едва и сам не выронил факел.

Посреди пыльных колыбелей навеки застыл в камне король Дугальда, стоя в безвремяе на коленях. Даже камню не под силу было скрыть страдания в его застывших безликих глазах.

– Что за зло сотворило подобное с нашим отцом? – плакала Эйли, с нежностью касаясь холодного камня. – Почему?

Эррол ничего не чувствовал, ни сожаления, ни вины, ни гнева. Он потянулся к сестре, желая помочь ей встать на ноги. Глядя на её бледный лик, полный боли и горя, на её хрупкую, сжавшуюся фигурку, сердце брата рвалось обнять, прижать её к себе, укрыть от тьмы, что кружила вокруг.

Но сестра отринула его, отшатнулась и, вскочив на ноги, побежала прочь из детской опочивальни, словно Эррола лицезрела впервые, точно чужака видела в нём. Брат бросился вслед за нею и нагнал её в королевском зале, где прежде все правители Дугальда принимали гостей, восседавая на тронном пьедестале.

Громким, полным отчаяния криком огласила Эйли стены замка. Слезы струились по её прекрасному лицу. Как только Эррол подошёл к ней, небесные очи её потускнели и сомкнулись, тело содрогнулось, и дева пала на руки юноши.

– Эйли, сестра моя обрётённая, очнись! – Стон вырвался из груди Эррола.

Не разомкнула очей своих сестра. Кожа лица блёкла, волосы тускнели, словно жизнь уходила из юной эльфийки. Чудесная золотая накидка утратила солнечный блеск, руны почернели. Тепло стремительно выходило из тела, алчно вбираемо камнем. Страх забрал волю и крепость юноши, он опустился вместе с бездыханной ношей на растрескавшийся пол. Продолжая нежно держать её, он ласково взывал к ней, просил вернуться к нему, умолял, плакал.

И тогда Дугальд открыл Эрролу истину. Как наяву узрел эльф прошлое, ниспосланное ему силой куда более древней, опутавшей и пропитавшей камень замка.

Задолго до рождения наследников король Инниса правил эльфийскими землями, заботясь о благополучии своего народа. Но вместе с величием и благородством в душе правителя зародились и проросли семена гордыни и спеси. Оенгус ставил себя выше всех, всё ревностней оберегая границы королевства. Никого из людского рода не допускал он в свои земли, почитая кровь эльфов и презирая людей всё сильнее.

Однажды его лучники сопровождали в Дугальд старуху, чьи скромные одежды выдавали в ней принадлежность к человеческому роду. Сурово обошёл с ней король, едва взглянув, приказал вышвырнуть из замка и гнать до самой границы гор. Умоляла старуха, взывала к милости Оенгуса, простирала сухие длани к его супруге, готовившейся вскорости стать матерью: отчаяние подвигло старую женщину искать приют в запретных землях, помощи она надеялась получить от великого правителя Инниса.

Эилидх, королева Дугальда, прониклась мольбам и умоляла супруга не отказывать в помощи. Но непреклонен оставался Оенгус, гордыня затмила его разум, жестокость наполнила сердце. Когда стражники приблизились к старухе и вознамерились выволочь её прочь за пределы замка, случилось чудо. Гром раздался в стенах Дугальда, сотряслись стены, затрещал и покрылся трещинами мрамор полов, и небесный свет снизошёл на хрупкую старуху. И облик её изменился: молодой, прекрасной женщиной прямо и твёрдо стояла она, гневно взирая королю в глаза.

– Не старуху обидел ты, Оенгус, король Инниса, – изрекла она. – Самовлюблённый король, ты посчитал, что род людской настолько слаб и ниже тебя, что не способен на толику волшебства? Но среди людей, уж поверь, живут чародеи сильнее эльфов. Не возжелал помочь старухе, ну что ж, тогда выслушай меня, Доннэг, – древнюю, как земля и пламенную, как солнце. Отныне не будет жизни землям Инниса: боль и страдания – тот удел, который я дарю твоей стране, гордец!

Как только были произнесены те зловещие слова, кинулись стражники к чародейке, но в том месте, где стояла она, вспыхнул белый свет и колдуньи, как не бывало.

Проклятие вступило в силу. Жизнь медленно, но верно покидала плодородные земли Инниса. Ручьи высыхали, земли сохли, а вместе с ними умирали леса и луга. За год королевство обрело вид серой пустоши, голой и мёртвой. Подданные уходили за горный перевал, навсегда покидая родные просторы.

Вслед за разорением, пришёл черёд магии, хранившей Иннис и его народ. Магия выгорела без остатка, черневший под ногами песок служил горьким напоминанием былого величия эльфов.

А затем воздух наполнил горький, отчаянный стон, донимавший и сводивший с ума тех, кто ещё цеплялся за сухую землю Инниса. Дугальд по ту пору почти опустел, в стенах его томились в муках король, его супруга и дети. На грани безумия прозрел Оенгус, винил себя в гордыне, что сгубила благословенные земли Инниса. Тогда-то он и велел Эилидх взять детей и бежать за пределы королевства, сам же пожелал добровольно стать пленником Дугальда, надеясь в стенах его камня избыть злой рок. Но когда королева, послушавшись супруга, покинула замок, пришёл Оенгус в детскую спальню, горьким взглядом окинул пустые колыбели и принял в сердце ту боль, коей полнились земли Инниса. Не совладала душа эльфа с горечью, и в тот же миг он обратился в камень.

Вот о чём умолчали горные цветы – дети Тэрлэг, слуги древней чародейки. Не рок то был. Иное. Наказание.

Эррол очнулся от прошлого. Эйли совсем охладела, лишь слабое, подобное трепету мотылькового крыла дыхание просачивалось из уст её. Вечным сном забылась его сестра, приняв, как когда-то и Оенгус, всё бремя боли и страданий Инниса. Не совладало её хрупкое сердце с утратой, и сонный морок сковал тело, прочно завладев Эйли. Застыл над сестрою брат, не в силах разжать последнее объятие.

Вспомнив об охотничьем ноже, он отпустил тело спящей девы. Уже поднёс острый клинок к тому месту, где часто билось его сердце. И такая тоска, мощь горя надломили его, что нож с гулким лязгом упал на каменный пол, а Эррол застыл на месте.

Нежданный покой снизошёл на юного эльфа. Стоя на коленях пред той, что стремительно погружалась в последний сон, он ощутил грусть и холод. Камень под ним больше не казался чуждым. Камень стал его сутью.

Поединок длиною в мир

На закате пятого Царства Семи Владычиц, в первый день Отхода Вьюжных Дней к восточному берегу Нескончаемого океана вышли трое: седовласая женщина и двое мальчишек. Сообразно юному возрасту, дети резво кружили вокруг старицы, босыми ногами бороздя и взметая в воздух белый сухой песок, притом залихватски гикая и заходясь звонким смехом. Женщина, словно не замечала дурачливого поведения внуков, коими те приходились ей, ступала по тёплому песку в сандалиях прямо и величаво, будто не берег то был, а ковёр, стлавшийся к самому трону.

Утро задалось что надо. Тихое и чистое, без единой облачной крапины небо – ещё бледно-голубое, но к полудню непременно должно насытиться до стальной бирюзы. Серо-зелёные, почти оливковые воды океана лежали недвижно, отражая поднебесье, лишь у самого бережка тайком солёная вода облизывала песок, обращая его безукоризненную сухую белизну в дымчатую, влажную кромку. А воздух так и ложился нежно на язык солёным налётом, попутно щекоча нос.

Не спрашивая дозволения старшей, оголтелые мальчишки с разбега влетели в воду и принялись скакать, прыгать, носиться вдоль бережка, как раз так, чтобы мокрая соль доставала до середины икр, а стопы увязали в зыбком песке ровно по щиколотку. Какое же то блаженство – резать у берега ленивую волну, чуть прогрешуюся, не обжигаяще ледяную, но ласково-холодящую! Первый день тем и хорош, что песок щедро вбирает тепло солнца, да океан подбирает в глубины свои зимнюю стужу, освобождая воды от гнёта зимы.

Женщина не торопилась подступать ближе положенного ею самой: не морозных, влажных брызг стереглась её душа, куда охотнее внуков устремилась бы она в воды, всю жизнь манившие её за призрачную линию горизонта. Страх, что не сможет совладать с соблазном и покинуть родной берег во всех смыслах, тормозил её тело, сковывая в монолитный кокон страстей и тревог.

В стороне, неподалёку сколотым зубом, прямо в воде стоял мёртвый дом. В три этажа, с тремя стенами – задняя, что лицом некогда обращалась к океану, давным-давно пала и смешалась с песочным дном. Ветра, вода да ненастья в союзе со временем стёрли все маломальские краски с бетонного тела, некогда придававшие житейский, и главное, живой облик жилищу. Застывший в мгновении труп – не больше, вот что это. Безглазый, безязыкий, безухий, мёртвый остов ушедшей эпохи, призрак почивших в проклятии богов.

Заметив взгляд бабки, внучата и свои взоры устремили в том направлении. В их озорных головах тут же зародился новый план затей.

– Велёна, государыня, – обратился младший из них писклявым детским голосишком, – позволь мне и Милану дойти до ветхого дома и обойти его кружком.

Произнёс это сорванец самым милейшим и смиреннейшим образом, но старшая царица знала его как облупленного, недаром следила за его взрослением с самих пелёнок, впрочем, как и за его старшим братцем. Милан хоть и был на год больше брата, но по мягкому и робкому характеру во многом уступал бойкому озорнику Младу. Если бы не рост да цвет глаз, царевичей можно было счесть близнецами – так схожи были: белолики, курносы, с непослушной пшеничной копной. Волосами в бабку пошли, та в молодые годы носила длинную золотистую косу, почти до земли. Да уж не положено такую красу иметь, коли седина вкралась в золото. Теперь, как и семь лет назад, так и дальше, положено казать миру жалкий остаток того бывшего великолепия, что едва касался плеч. Будто чем короче, тем незаметнее старость.

Велена, ещё не отцветшая до конца, вздрогнула. Нет, свежий, бодрящий воздух не пронизал её плотные одежды: цвета топлёного молока льняное платье с пышным, длинным рука-

вом надёжно хранило тепло. Затеяливая маковая вышивка с вкраплением золотой нити да россыпи мелкого рубинового камня лучше охранной грамоты служили защитой в людских очах. Всяк знал царский узор и смиренно склонял главу, стоило лишь попасть царственному знаку в поле зрения.

Другое дело царевичи. Их простые, светлые льняные платья и штаны подпоясывали расшивные, с бахромой на концах пояса – единственное допущенное украшение. Серебристо-синяя нить складно выводила диковинных змеев, а меж прихотливых стежков тускло мерцали молочные горошины речного жемчуга.

– Только ли? – спросила старшая из владычиц.

Её, не утратившие бирюзовой свежести, глаза смотрели вглубь юного взора, пытливо и с долей затаённой надежды. Янтарные глазки Млада не дрогнули и выдержали бабкин взор – не из пугливых рос мальчуган, скорее всего ему и быть супругом будущей старшей.

Мальчишка пихнул, не сильно, брата, взывая к поддержке, и настойчиво повторил:

– Государыня, пожалуйста. Всего один круг! – И видя, что каменная твердь старшей не дала трещины, уже с жалобной ноткой надавил на старшего брата. – Милан, ну скажи, ну попроси!

Мальчик с ясным и доверчивым взглядом серых глаз – это он от отца, Белослава, наследовал – кротко, с замиранием посмотрел на Велену и вдруг просто и добродушно выговорил:

– Милая бабушка, дозвожь мне с братцем обойти вокруг брошенного святилища, как мы делали в том году, а до того в предыдущем.

Ну как тут устоять? Вот и Велена не смогла. Хороший посол мира выйдет из Милана, в любом царстве его примут с почестями и выслушают, а послушав, согласятся. У старшего внука все задатки доброслова, пусть он не хитрец, как Млад, но правда и не должна иметь гладких углов. А лгать и искажать истину Милан не умел, да и вряд ли научится – этот дар даётся от рождения, от отца или матери. Млад пошёл в мать, а Милан – в своего простодушного и тщеславного отца.

– Если оба поклянетесь землёю да водою, что не станете касаться стен пропащих и не вздумаете лезть в древнюю обитель, точно голодные крысы, – поставила своё условие бабка, частично признавая их просьбу.

Второй раз повторять не нужно: мальцы смышлены и проворны, как мыши в амбаре по ночи. Царевичи тут же, приняв полу-дозволение, зачерпнули по пригоршне песка одной рукою, другою – точно ковшом – солёной воды. Стоя на пенной границе меж океаном и сушей, мальчишки, как следует воспитанные в старой вере, учтиво, без намёка на игру или скоморошничество, поочерёдно поднесли к устам обе ладони и коснулись губами воды и песка.

– Водою благодатною, Землёю вечною, – опустив руки и сбросив содержимое, оба вознесли ладони над головами и добавили в унисон, – Воздухом животворным – клянёмся!

Как же хороши они были! Велена залюбовалась одухотворёнными и серьёзными лицами внуков. Из нынешнего люда не все сохранили в душе верность старой вере, для некоторых она стала чем-то вроде стародавнего предания, для иных – вымыслом. Лишь горсть по всей Целой Земле свято верила в первых богов – тех, кто был у истоков, когда земля и солнце только народились во вселенной.

Каких-то пять лет и из царственных отроков выйдут великолепные юные властители. Если нить жизни старшей царицы ещё будет прочна и долга, то ей посчастливится воочию зреть, как возмужают её «соколята», как оперятся и примут бремя власти на свои плечи. А пока...

– Ступайте, соколики.

Уголки её рта чуть-чуть, едва заметно подтянулись вверх. Мальчишки тут же с победным кличем рванули к старой развалине, на ходу решая, с какой стороны и с какого угла начинать обход.

– Не мешкайте, скоро прилив! – донёсся сзади заботливый наказ.

Пострелята уже достигли заветной цели и, не раздумывая, устремились к той угловой части, что более века прибирал себе океан. Отчего-то мёртвая обитель манила детей, не только царских, те каждый год хороводили вокруг её полуразрушенного тела, словно воздавая честь. Иногда эта развалина требовала жертв и получала их. Неосторожных детишек находили утопшими после отлива в мелководье, их бескровные лица хранили изумление в широко раскрытых глазах.

Какая-та тайная мощь хоронилась в старых отметилах ушедшего мира. Тут и там, словно древние святые, – в лесах, полях, а иной раз на берегу океана – держали вековую оборону со временем творения прошлых людей. Не так уж много, но и не мало их наполовину поглотил Нескончаемый океан – истинный владыка планеты. Уж ему-то куда лучше знать, чему стоит остаться, а чему надлежит кануть в небытие.

Дрожь вновь пробрала Велену.

Пока внуки скрылись с глаз, ей живо вспомнилось её первое знакомство с древним реликтом. Тогда, подобно дню сегодняшнему, девочкой шести лет была приведена будущая старшая царица к озеру, что лежало совсем близко от родной деревни. Прежде её не удивлял островок деревьев посреди озера, по неразумению своему ей виделось всё таким, каким есть. Но отец, что привёл дочь к озёрному бережку, очевидно, считал, что время пришло: настала пора приоткрыть дочурке уголок мироздания. Благояр, так звали его, усадил малютку Велену в круглую лодчонку, рассчитанную как раз на двоих путников, и направил судёнышко прямоёнько к зеленолиственному островку. Каково же потрясение ожидало маленькую девочку, когда вблизи остров вдруг предстал громадным остовом корабля, вместо парусов у которого пышно и гордо стояли кустистые ивы! Железные бока давно глодала ржавчина, где-то успешно, где-то не очень. Но в целом гигант не сдавался и браво целился острым носом в сторону, противоположную деревне. В тот день Велена узнала о том, что прошлое более ёмко и протяжённее, чем ей казалось доньше, и, следуя примеру Благояра, младшего царя младшей царицы, приняла в своё сердце старую веру, а вслед за тем и знания мёртвых книг.

Она так глубоко погрузилась в воспоминание, что не сразу расслышала мальчишеский смех подле. Милан и Млад, обойдя крошившегося временем мертвеца, сдержали клятву и вернулись к царственной бабке.

– Бабушка, голубушка, расскажи нам, – донеслось до её затуманившегося разума. Кажется, это голос Милана. Как же ему подходит его имя. – Пожалуйста, расскажи!

А вот теперь её кто-то дёргает за рукав платья, настойчиво, но без наглости. Несомненно, Млад. Велена тряхнула головой, сбрасывая морок прошлого, – так и есть, кончиками пальцев, чуток захватив лён платья, тянул младший внук. Поняв, что старшая внимает, детские пальцы тут же оставили материю в покое.

– Что рассказать, соколики?

– Как же? О ветхом доме, государыня. О нём и ему подобных, – опередил брата Млад.

Так странно, что один зовёт её бабушкой, другой же величает, как и все прочие при Красном дворе – государыней. Наверное, то плата за владение всей Целой Землёй.

– Так ли надо вам? Уж наизусть знаете.

– Надо, надо! Государыня! Нужно, бабушка, – вторили в ответ юные голоса.

– Ну, тогда придётся начать с начала, – помедлив, согласилась и поставила своё условие Велена, впрочем, как всегда и во всём.

Царевичи согласно кивнули. В преддверии долгого рассказа оба плюхнулись на песок перед старшей, подобрав под себя ноги да сложив руки перед собою.

– Вы знаете, соколики, что мир прост и ясен, да не просты люди, живущие в нём, – начала издалека царица. – Искони не мог человек жить в единстве, его дробило на всякое. Так во все времена происходило. Из одного ядра вышло три ветви, которые росли, тянулись и кустились,

но сути не меняли. Добрые, нескромные и пустые – такова суть ветвей тех. Нескромные, точно прихваченные хворью, не способны были на добрые поступки, заботясь по большей части о себе; в том даже не вина их была, а некий душевный изъян, что передавался с кровью отца да молоком матери. Добрые, напротив, превыше себя чтили старую веру и весь род людской от начала. Ну, а пустые – те стояли между нескромными и добрыми и метались меж ними. Одним словом, ни рыба ни мясо. Я это к чему напоминаю: вам управлять в скором времени царством, шестым по счёту.

Воздух посвежел, Велена ощутила холодноватое прикосновение ветерка, настойчивое и тревожное. В первый день Отхода Вьюжных Дней тепло на океанском берегу недолго, ещё каких-то два часа и со стороны горизонта, где вода потемнеет до черноты, вероятно, налетит промозглый, пробирающий до костей ветродуй. Надобно ускориться с повествованием.

– Но какими бы ни были люди, всё ж в целом они сподобились создавать царства, да такие, против которых нынешнее померкнет в тени прошлого величия. Чтобы сосчитать те царства не хватит рук на руках и ногах у вас обоих вместе взятых. Да, да. Мёртвые книги много мне рассказали. Так же, как рождались и падали государства, по песчинкам нарастал слой времени, старела планета, мужало солнце. Земля не всегда пребывала в покое и том состоянии, которое вы знаете теперь. Суша, равно как и вода ни единого дня не знала покоя, ведя не прекращавшуюся борьбу за господство: то вода поглощала землю, то земля вбирала внутрь себя воду. Бывали и такие периоды, когда суша и океан смогли договориться и разделить владычество поровну – то верно был золотой век планеты, жизнь в гармонии и процветании.

Женщина поёжилась, набиравшему силу ветру всё же удалось просочиться сквозь плотное плетение нитей в платье. Но как истинная царица, она ободрилась и продолжила вещать сказ молодым и звучным голосом, глядя сверху вниз на внимавших ей слушателей. Мальчики, одетые легче, казалось, не замечали напивавшего в спину ветра, воспитанные по всем правилам старой веры, царские внуки меньше всего приучались к удобствам и праздной жизни.

– Вот вы хотите, чтобы я рассказала про этот ветхий дом. Знаю, его развалины вызывают к глубинам вашей любознательности. Ещё бы. Мы живём в домах, выстроенных из дерева, и вполне довольны тем. Но те, что населяли этот дом и жилища подобные ему (а дома прежде могли достигать высоты в десятки таких домов, как этот) – да, да, книги не врут, – те люди любили большой комфорт, чем положено человеку. У них было всё для счастливой и беззаботной жизни, даже слишком много. Соколики, те люди летали по небу, резали глубину океана и даже блуждали меж звёзд! Я уж не говорю о том, что они способны были общаться друг с другом из разных уголков земли, будь то города или царства.

Тут Млад явно взволнованный сверх способностями прошлых людей не удержался и перебил старшую:

– У них были слóвичи, как у нас? Они могли вложить шёпот в ветер и направить туда, куда нужно?

– Нет. Но у них были устройства, с помощью которых было возможно не только говорить с кем угодно, но даже видеть собеседника.

– Ух ты! А Дами́р говорил, что то – всё выдумка.

– Дурень этот твой Дами́р, – поставила точку в отступлении Велена. – Не даром из пустых.

Младший внук опустил голову, но тут же поднял. Ни слова возражения, ни обиды за друга, а ведь бабке прекрасно известно, как дорожил Млад товариществом с сыном дружинника. Но и она ничего лишнего не произнесла: кто ж виноват, что Дами́р и всё его семейство из ветви пустых происходило. Зато надёжный и добрый воин вырастет – будущий заступник царской семьи. Это тоже чего-то да стоит. Не всем же в царях расти.

– Те люди, – продолжила, как ни в чём не бывало, Велена, – допустили простую оплошность: они возомнили, что мудрость, давшая им все те блага, была дарована им по сути, а не с божественного согласия. Всяк знает: за любой дар следует возносить благодарность Трёх

Владыкам сушего, в особом случае – Четырём. Но те, почившие давно, утратили старую веру, завернувшись в разноцветный кочан из выдуманных богов и божков. И тогда Четверо прогневались: земля, вода, огонь и воздух – всё восстало против людского рода, всё стало ядовитым и смертоносным для человека. Именно тогда океан вспомнил о своём вечном поединке с сушей и, сговорившись с воздухом и огнём, напал на землю и почти одолел её. Почти. Не так проста земля, когда за неё стоят людские души. Именно в том страшном поединке в большинстве уцелели добрые люди, они-то и взмолились к Четырём о милости и прощении, они-то и убедили океан не скрывать сушу под безмерными водами своими. А всё, что сохранилось, стало зваться...

– Целой Землёю, – отозвался Милан, на молчаливый призыв бабки.

– Верно. И океан с тех пор нескончаем, но лишь от одного края земли до другого. Наш картограф Велимир после покажет вам, соколики, всю нашу землю. Пора вам уже осваивать больше, чем есть.

– И это всё? – спросил Млад, ему всегда казалось мало того, что рассказывала старшая. По обычаю Красного двора подобные вольготные беседы меж старшей царицей и внуками проходили единожды в две недели, что для мальчиков было слишком долго и мало.

– Отчего же, – успокоил его Веленин голос, – для нашего царства всё только начинается. Когда Четыре уgomонились, все люди, кто уцелел, собрались и дружно решили, что следует вернуться к старым корням. Старая вера допускала власть в руки не одного, а сразу семи властителям, тем паче, что ими следовало стать женщинам. Из достойных избрали семь дев и нарекли их царицами семи дворов: Красного, Огненного, Лазурного, Смарагдова, Пурпурового, Солнечного и Белого. Красный двор и стал старшим среди прочих. Каждая царица выбрала себе в мужья подобающего спутника, который отныне становился царём. Но царственные мужи должны были служить мудрым советом и надёжной опорой своим жёнам, напрямую вмешиваться в дела государственные им возбранялось. Прошло какое-то время, цари и царицы благополучно правившие Целой Землёй состарились, у них родились дети и внуки. Кому-то нужно было наследовать Красный двор и прочие. И тогда вновь прибегли к помощи старшей веры: старшую царицу выбирали из юных царских дев, по достоинствам и задаткам. Так царевна из младшего, Белого, двора могла стать старшей из цариц. И тогда бы она до конца дней своих носила былые, белые одежды, что напоминали бы всем, о её происхождении, но лишь красная узорная нить да рубины давали знать – она главная.

Велена перевела взгляд на горизонт: рябь, и достаточно крупная, шла по маслянистой глади океана. Ещё полчаса и вода почернеет, вздыбится, набрасываясь на берег, хлеща его наотмашь. Надо бы уже собираться...

– Бабушка, – мягкий тёплый голос Милана вернул её бегущие к горизонту мысли.

– Ах да. Пять раз избиралась старшая. Вам прекрасно известно, скоро настанет время шестого Царства Семи Владычиц. И если вы выкажете удаль, мудрость и благочестие, как знать, может новая старшая изберёт кого-то из вас в мужья. А пока мужайте, набирайтесь ума у мёртвых книг. В том и превосходство над прошлым, что оно себя изжило, оставив все свои ошибки на поверхности, как лист на речной воде. Изучив ошибки, соколики, вы можете извлечь мудрость, которая не даст вам и вашим детям и детям ваших детей повторить ошибки мёртвого прошлого.

Всё, пора возвращаться ко двору. Мальчикам в день Отхода Вьюжных Дней достаточно. Велена твёрдо решила сегодня же отослать внуков к архивнику Бориславу, мастеру над мёртвыми книгами, её супругу и старшему царю. Пускай начинается обучение, она и так уже год потеряла, дала соколятам вволю резвиться, продлевая детство.

– А как же дом? Он так и будет стоять? – не сдавался пытливым и не в меру любознательным Млад.

– А что ему будет, дому-то этому? – беспечно выговорила бабка. – Он, как и люди, а люди, как и земля – выстоит в поединке с океаном. Не вечно же воде главенствовать? Однажды век золотой повторится, когда люди вернуться к старой вере, точно повторится. А теперь домой, живо.

Мальчики послушно поднялись, отряхнулись и, заняв места по бокам старшей, направились к Красному двору. А Велена, прямо ступая прочь от берега, подумала: нет, пожалуй, из Милана выйдет куда лучший супруг для будущей старшей.

Притча о совином народце

Огонь в костре набрал силу и злость, до отвала вскормленный сухими сучьями. Старик и двое его юных спутников, окончив вечернюю трапезу и расслабившись после дневного похода, мерно потягивали сладковатый настой иван-чая из жестяных кружек.

Круглая как луна поляна наполнялась пряной безмятежностью трав, погружавшихся в сон с заходом солнца. Ветер покинул эти края, вдоволь наигравшись со всеми цветами Седого леса и пересчитав все песчинки его тропок. Тишина и покой заполнили собой каждый лесной уголок – от верхушки Сосны-Великанши до лабиринта корней Дуба-Прадеда. И звёзды, точно племя золотистых светлячков, высыпали на индиговом покрывале неба, заняв каждая удобное местечко.

– Скоро и луна пожалует, – заметил старик.

Он полулежал на траве, вытянув длинные, заголённые до колен ноги к костру. Его усталая спина облакачивалась о пухлый рюкзак, заботливо подставленный юнцами. Сами они удобно устроились на расстеленном покрывале напротив старика. Дети для него, они уже вошли в пору хмельной юности и увязались за ним в тяге приключений. Маленькие романтики, так он их и называл.

– Янус, расскажи историю, – попросила девушка лет шестнадцати, рыженькая и веснушчатая – само солнце о зелёных глазах. – Ты обещал ещё три дня назад, мы ждали.

– А очень хочется? – спросил Янус.

Его лицо обрело лукавый вид. Возможно, тому виной были тени, ожившие на глубоких складках вокруг рта, но прищур у него вышел довольно хитрым.

– Очень-очень, прям ну очень, – игривая улыбка осветила девичье личико.

– Да, дед, хорошая история не помешала бы сейчас, в такую ночь, – добавил темноволосый юноша одних с девушкой лет. Его глаза казались чёрными угольями и непроницаемыми, как лесная темень, лишь отсвет огня оживлял мрачный, тяжёлый взгляд танцующими искорками.

Старик кивнул и, покопавшись в карманах ветхой, как он сам, куртки, выудил несколько мятых самокруток. Девушка, которую звали Сольд, с помощью прута ловко вытащила из костра красноватый уголёк и подкатила его к Янусу. Тот наклонился и, приложив сигарку к пыхавшему жаром угольку, раскурил её, одарив Сольд благодарной улыбкой.

– Ты прав, Рарог, – произнёс старик, выпуская в воздух густую струю табачного дыма. – Ночь сегодня особенная и заслуживает хорошей истории.

– А чем же она особенная, Янус? – поинтересовалась Сольд.

Она заняла своё место подле Рарога. Юноша заботливо накинул её на плечи кофту и придвинулся ближе. Янусу была по душе эта парочка. Брат с сестрой уже месяц, как отчалившие из родной деревеньки, брели с ним, куда глаза глядят. Ну, насчёт, куда глаза глядят, сильно сказано. Он-то, Янус, шёл в горный край, за которым простиралось Лихое море. А вот его романтические попутчики желали увидеть весь мир и гадали каждый день, что же лежит за тем самым морем.

– Это ночь на Ивана Купалу, – пояснил Янус, выдав новую порцию дыма. – Самая звёздная ночь в году. Звёзд на небе становится так много, что даже луне тесновато на своём престоле.

– Ух ты! – с восхищением выговорила Сольд. В её изумрудных глазках заблестели огоньки-светлячки.

Старик вновь был приятно удивлён её поразительной, по-детски готовой решимостью видеть везде чудо. Мир давно не тот, даже дети стали другими – циниками, впитавшими с

материнским молоком «правильное» мировоззрение. А сказкам в их сердцах больше места нет. Тесно, как луне на небе в звёздную ночь.

Рарог был противоположностью Сольд. Колючая замкнутость и немногословность отгораживали юнца от реального мира, что считал Рарога глупцом и зазнайкой. Лишь сестра видела брата иным. С ней он преображался в преданного рыцаря и добродушного компаньона её историй. Он верил в чудеса, но никогда не говорил об этом вслух, считая, что болтать об этом не имеет смысла, а кому нужно, тот и сам всё поймёт. Сольд же поняла.

– Да, луна скоро взойдёт, – довольно произнёс старик.

Его сухое, потрёпанное временем лицо излучало знание мира и хранило печать миллиона загадок, которые юным Рарогу и Сольд только предстояло узнать.

– Но прежде в лесу зародится музыка, – добавил он, – затем воздух наполнится совиным пением, и уж после мы увидим её – ночную госпожу.

Только Янус это сказал, тут же, как по подсказке, заскрежетали лесные скрипачи – цикады и сверчки. Им подыграли земляные жабы, выползшие из своих норок, дабы наслаждаться ночью и всласть пропеть серенады любви Седому лесу. В этот нестройный хор влился вокал самовлюблённого соловья, не стерпевшего конкуренции на лесных подмостках.

Как и предсказывал старик, терпкий июньский воздух прорвали десятки мощных кличей. А затем в ночном небе стали различимы крошечные силуэты, парившие и пикировавшие, залихватски ухавшие и радовавшиеся жизни больше остальных обитателей леса. Несколько сов бесстрашными тенями пронеслись совсем близко от огня, будто приглядываясь к чужакам.

– Между прочим, совы крадут луну, – назидательно произнёс старик. – Каждую ночь. Нет, каждое утро. Они не в силах расстаться с королевой сов – Луной, потому уводят её подальше, в самый укромный, тёмный уголок. Совиная свита весь день охраняет королеву, ревностно оберегая её державный сон, а вечером, когда остатки сладких грёз оставляют ночную госпожу, совы следуют за королевой-луной и до самого восхода солнца охотятся, любят и умирают в её честь. Они всё ещё помнят о днях былого величия и надеются, что вновь будут жить в первозданной гармонии.

– Ну же, Янус, не дразни, рассказывай сказку! – потребовал ласковый голосок Сольд.

И вот луна выкатила своё жёлтое, словно масленичный блин, тело на звёздный небосвод. Она нависла над поляной янтарным оком, внимательным и таинственным. А совы сновали высоко-высоко, пронсясь, словно вихри, над истончавшимся вверху дымком костра и скрывались меж верхушками сосен, плотно обступавших поляну по кругу.

Видно появление небесной царицы стало сигналом и самому Янусу, который выдохнув очередную порцию сизой дымки, начал свою историю:

– Однажды, когда Луна была особенно одинока, тени звёзд ожили и обрели форму. Форма заимела крылья. И из теней вышли совы. Первые птицы из птиц. Они стали надёжными стражами и вернейшими слугами небесной владычицы ночи.

Самая тёмная из сов стала их княжной, наречённая Чароит – чёрная сова, черней которой была только ночь. А самая светлая сова, чьё белоснежное оперение могло тягаться с белизной месяца, получила в дар от Луны имя Селенит. И судьбой определено было Селенит служить княжне и быть ей верной советчицей и единственным другом.

Так повелела Луна, впрочем, недолго довольствовавшаяся своими первородными созданиями. Тоска вновь овладела её непостоянной душой, и она создала иных летучих тварей, которые должны были радовать её и улаживать своим обществом. Но летучие мыши вовсе не собирались посвящать ночи Луне-матери, завистливые и эгоистичные, эти создания не могли простить совам, что те первыми стояли в родстве и были красивы, полны гордости и высокомерия в отношении младших сородичей.

В ту пору юности совы и впрямь возгордились, но не потому, что были первыми. Эти птицы, созданные лунной госпожой, одинаково любили день и ночь и не знали усталости, покоряя

небо с утра до заката и от вечерней зори до восхода солнца. Всё было любо им, всё в диковинку, всё они стремились постичь и узнать.

Чароит под зорким и верным направлением Селенит осваивала новые леса и равнины, луга и горы, степи и болотистые пустоши, всюду заселяя их совиным народцем. Скоро во всех уголках Терриуса не было такого места, где бы ни разносилось жизнерадостное совиное уханье. Довольна была чёрная княжна, счастлива её верная советчица – в благодати жил совиный народ.

Но не жилось спокойно летучим мышам. Зависть, чернее ночного неба, снедала их княжича Шуура. Вторые дети Луны обделены были, как красотой, так и способностью резвиться, подобно совам, в дневную пору. Досада на мать и злоба на собратьев, сильнее обезобразила мышей, загнав их глубоко в пещеры и подземелья, дабы не смущать мир своим уродством.

Не мог простить Шуур совам их красоты и того, что живут те в радости и не знают проклятия дневной немощи. Недоброе замыслил мышиный княжич: лишить сов их полноправного царства. Свергнуть пернатых выскочек и наказать за высокомерие.

Дружен был совиный народец, крепки связи детей ночи. И Шуур подослал самых хитрющих и пронырливых своих шпионов в совиный стан, где те принялись лукаво исказить правду, расшатывая веру в княжну Чароит и её белокрылую подругу.

– Почему, скажите доблестные, – вкрадчиво вопрошала однамышь у семейки сов в лунную ночь, примостившись на ветке дерева, – отчего, ответьте, прекраснейшие, у вашей княжны только одна подруга-советчица?

– Неужели никто из вас, славнейшие, не достоин другом быть и советником великой Чароит? – лукаво впрыскивала яд недоверия другаямышь-лазутчик.

– Разве Селенит лучше вас, мудрейшие? Чем она умнее и славнее вас, справедливейшие? – пищала летучаямышь, лестью ослепляя гордыню и пробуждая доселе незнакомую совам зависть.

– Но так распорядилась сама Луна – наша государыня, – в испуге перед едким, новым чувством осмеливались выступить в защиту княжеской наперсницы некоторые совы.

– Так ли это? – вопрошала коварнаямышь. – Это вам сказала Селенит. И вы ей верите? Но она такая же, как и вы – не выше и не ниже вас. Так отчего же Луна определила ей стоять над вами, а не наравне?

И яд злословия впитался, а семена сомнений проросли в смуту. Никто из сов более не был уверен в неоспоримом порядке вещей, всяк считал, что он лучше Селенит, а некоторые, особенно зарвавшиеся уверовали, что могут тягаться с самой Чароит. Как же злорадствовал Шуур в утробе темнейшей из пещер, как наслаждался его слух совиными перебранками. Ещё немного и его план осуществится.

Глубоко опечалила Чароит размолвка подданных, что крупной трещиной размирья пролегла меж совами, поделив их на два лагеря. Тех, кто ещё сохранял веру в княжну и её советчицу и по-прежнему был на стороне старых законов и тех, кто требовал перемен, крутых и жестоких, призывая свергнуть тёмную сову и её белоснежную подругу, дабы изгнать обеих подальше.

Покинула Чароит свой дом в стволе старейшего из всех деревьев Терриуса – дуба-великана – и отправилась в странствие по землям, вразумлять добрым словом совиный народ. Селенит же осталась наместницей, исполняя волю княжны.

Этим и воспользовался Шуур. Одной безлунной ночью, когда тоска по небесной владычице особенно сильно сковала сердца совиного народца, мышиный княжич наслал своё войско в лес, где стоял дуб-великан, с наказом уничтожить белую сову.

Орды летучих мышей заполонили лесные окрестности, наводя ужас на жителей леса. Верные Селенит воины отважно встретили враждебных чужаков, и немало пало их в схватке с неприятелем. Выстояла совиная стража, уцелела и Селенит, но как же горько ей было после сра-

жения слушать проклятия собратьев, постыдно покинувших небесную битву и невозмутимо отсиживавшихся до самого исхода сражения в ветвях деревьев. Не желали они более видеть среди себя белую сову, не хотели подчиняться ей, считая себя лучше и достойнее. В слезах и с горечью в сердце покинула Селенит с горсткой преданных ей сов любимый лес, обретая новый дом в далёких и снежных, как её оперенье, землях.

Вернулась Чароит, но не застала любимой подруги в родном лесу. Узнала княжна о сражении и об изгнании верной советчицы и впервые в жизни прогневалась на свой неразумный народ.

– О, госпожа моя! О, владычица ночи! – воззвала Чароит к Луне. – Нет у меня более верных подданных – зависть забрала их верность. Нет у меня более любящего народа – злоба и высокомерие отняли их любовь. Не хочу быть больше княжной тем, кто отвернулся от меня и отнял у меня самое дорогое – дружбу и веру. Забери назад свою волю и повели совам им дальнейшую судьбу.

Холодна была Луна, сурова. За предательство и глупость жестоко покарала она совиный народец, навсегда лишив его радости дневного света. С тех пор и поныне совы царствуют ночью, но с восходом солнца, вынуждены покидать небосвод и пребывать во сне весь день до вечера. Такова была кара Луны за ослушание детей своих.

А Чароит вернулась на небо и вновь стала тенью ярчайшей из звёзд. И когда наступает самая звёздная ночь в году, то среди серебристых искорок на тёмном небосводе можно разглядеть чёрный силуэт совы. Тень Чароит – так называют его.

– М-да, – задумчиво и грустно выдохнула Сольд. Её светлые глаза увлажнились и сверкали ярче изумрудов. – Как у людей. Какая грустная сказка.

– Уж какая есть, – пробурчал Янус, докурив последнюю сигарку и бросив бычок в огонь. – Не я её выдумал.

– Ты чего, Сольд? – смущённо проговорил Рарог, заметив маленькую слезинку, стремительно скатившуюся по веснушчатой щеке сестры. – Это же просто сказка. История у костра. Подумаешь, совы не летают днём. Ну и что? Да и Создатель с ними.

– Нет, Рарог, это больше, чем история, – тихо возразила Сольд и наскоро утёрла глаза. – Люди ведь когда-то жили в ладу друг с другом, я твёрдо верю в это. А потом меж ними произошёл разлад, как у сов. И они стали чужды и враждебны, завистливы и горды. Люди стали совами.

– Но, ведь людей никто не лишал дня. Не так ли? – мягко заметил юноша и заботливо обнял её за плечи.

– Люди сами себя лишили дня, Рарог, – с надрывной горечью в голосе отозвалась Сольд. – Не так ли Янус?

– Ты слишком близко принимаешь сказанное к сердцу, Сольд, – прошептал ей на ухо брат.

Старик, смолкший после рассказа, смочил пересохшее горло остывшим иван-чаем и, поразмыслив о чём-то своём с минутой, наконец, изрёк:

– Не стоит так сильно переживать из-за птах. Вон, смотри, как они беззаботно порхают в небе, высматривая зазевавшихся мышей. Парень прав – это всего лишь история у костра. А так, как она рассказана, то и нам пора отдохнуть. Советую не мешкать со сном. Утро вечера мудренее. А нам отсюда нужно топтать по росе, пока солнце не набрало силу. Больно жаркое лето выдалось, ребятки.

Брат с сестрой прижались друг к дружке и вскоре уснули, более напоминая невинных совят, нежели взрослеющих юнцов. Янус долго ворочался, проклиная не торопившийся к нему сон, и то и дело поглядывал в сторону мирно сопевших спутников, чьи лица постепенно скрывала ночь, одолевая затухающий огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.